И.Б. Орлов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)
iOrlov@hse.ru

Советское государство и Церковь в 1920-е годы: проблемы и перспективы сотрудничества[1]

Статья посвящена одному из самых сложных периодов в жизни Русской православной церкви – периоду 1917-1929 гг. Взаимоотношения коммунистической власти, провозгласившей упразднение церковного института и отмирания религиозных предрассудков, и Церкви рассматриваются через поворотные пункты: приход к власти большевиков, Гражданская война, голод 1921-1922 гг., смерть Патриарха Тихона в 1925 г., официальное признание РПЦ в 1927 г., наступление на Церковь и религию в 1929 г. Основной вывод автора заключается в том, что политика безбожной власти в отношении Русской православной церкви имела свои откаты и наступления, определяемые целым рядом факторов, включая позицию церковной иерархии и высшего руководства страны.

***Ключевые слова**: Русская православная церковь, Патриарх, религия, большевики, воинствующие безбожники*

Soviet state and the Church in the 1920-ies: problems and prospects of cooperation

The article is devoted to one of the most difficult periods in the life of the Russian Orthodox Church – the period 1917-1929. The relationship of the Communist authorities, who proclaimed the abolition of the Church Institute and the withering away of religious prejudice, and the Church viewed through turning points: the coming to power of the Bolsheviks, Civil war, famine 1921-19222 years, the death of Patriarch Tikhon in 1925, the official recognition of the ROC in 1927, the attack on the Church and religion in 1929. The main conclusion of the author is that godless government policy in respect of the Russian Orthodox Church had their kickbacks and offensive, as determined by a number of factors, including the position of the Church hierarchy and the top leadership of the country.

***Key words**: The Russian Orthodox Church, Patriarch, religion, the Bolsheviks, the militant godless*

---

[1] ***Опубликовано: Орлов И.Б. Советское государство и Церковь в 1920-е годы: проблемы и перспективы сотрудничества // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: материалы всероссийской научно-практической конференции 26 июня 2015 года, г. Ярославль / Под. ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2016. С. 420-436.***

Отношения власти и Русской православной церкви на протяжении всей советской истории не исчерпывались конституционной формулой отделения церкви от государства. Вопреки большевистским декларациям основой политики коммунистического режима стало подавление религиозного инакомыслия. Причем наиболее драматично церковно-государственные отношения складывались именно в первое советское десятилетие. Ведь политика правящей партии по отношению к церкви была определена ее лидером однозначно: «Мы должны бороться с религией»[1].

Но при этом, документы и современники событий свидетельствуют, что атеистическая политика имела свои пики и откаты. Когда советской власти надо было получить что-либо от Церкви, она шла на уступки, затем сменявшиеся очередным витком гонений. Кроме того, в ряде случаев центральная власть, задававшая общие принципы и направления данной политики, была более умеренной, нежели местные органы. Не было абсолютного единства по вопросам церковной политики и в высшем эшелоне власти. Это периодически создавало для современников иллюзию возвращения коммунистической власти к политике «здравого смысла», а для историков – возможность оценки взаимоотношений Церкви и безбожного государства не только через их конфликтную составляющую, но и через потенциал возможного сотрудничества.

Прежде всего, большевистское руководство, исходя из примата бытия над сознанием, стремилось подорвать экономическое могущество церкви. Так, декрет о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г. ликвидировал церковно-монастырское землевладение: конфискованные земли передавались в ведение земельных комитетов. Декрет «О кладбищах и похоронах» от 7 (20) декабря лишил церковь права надзора за кладбищами. Одновременно коммунистический режим стремился ограничить влияние церкви на повседневную жизнь россиян. Декретом от 11 (24) декабря дело воспитания и

образования было передано в ведение наркомата просвещения,[2] а 18 (31) декабря была аннулирована действенность церковного брака[2].

И, наконец, 23 января (5 февраля) 1918 г. на свет появился декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», отделивший церковь от государства и лишивший ее прав юридического лица. Все имущество церковных и религиозных обществ было объявлено народным достоянием. То есть религиозные общества могли получить необходимые для совершения богослужения здания и предметы на правах бесплатного пользования с разрешения местной или центральной властей. Но это имущество подлежало налогообложению, аналогичному для частного предпринимательства. Согласно декрету, в пределах Республики запрещалось издавать местные законы, стесняющие или ограничивающие свободу совести. Правда, свободное исполнение религиозных обрядов допускалось, если они не нарушали общественного порядка и не посягали на права граждан и, самое главное, государства. Местным властям было разрешено закрывать храмы в случае необходимости зданий на иные цели, а также прекращать деятельность религиозных обществ при малейшем подозрении на политическую неблагонадежность и антисоветскую деятельность. В итоге к концу 1920 г. у РПЦ было отобрано более 6 тыс. храмов и монастырей[4]. Были закрыты и банковские счета религиозных организаций. А когда в апреле 1918 г. была создана специальная комиссия при наркоме юстиции для проведения в жизнь декрета об отделении Церкви от государства, ее представителей в комиссию даже не пригласили.

Именно 1918 год ознаменовался первым масштабным наступлением на Церковь. В частности, инструкцией Наркомата юстиции от 24 августа 1918 г. всем религиозным организациям была запрещена благотворительная деятельность[5]. Действуя в соответствии с установками наркомата, власти на местах повели линию на повсеместное закрытие монастырей и массовое

[2] Впрочем, первые шаги в этом направлении сделало еще Временное правительство, отменив 20 июня обязательное преподавание Закона Божия и передав церковноприходские школы в ведение Министерства народного просвещения.

выселение монахов. Параллельно с 1918 г. шла кампания по вскрытию и ликвидации святых мощей,[3] в ходе которой к 1921 г. по всей стране было вскрыто более 60 мощей. К началу 1919 г. реальный состав органов высшей церковной власти уменьшился наполовину. Циркуляр Наркоматов юстиции и земледелия от 30 октября 1919 г. предписывал земельным отделам не регистрировать сельскохозяйственные коммуны, состоящие из монахов и не давать им в обработку бывшей монастырской земли. Одновременно власть провоцировала и поощряла раскол среди духовенства, свидетельством чего стала активизация после октября 1917 г. ряда модернистских группировок («Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян», «Друзей церковной реформации» и пр.).

Конечно, Церковь не могла положительно относиться к режиму с его установкой на упразднение религии. Но противодействие Церкви было, скорее, защитной реакцией на наступление государства. Руководство Церкви сохраняло политический нейтралитет, искало пути сосуществования с новым строем, позволяя себе только моральные суждения и осуждение отдельных властных действий. Церковные иерархи отказались от активного вмешательства в революционные события и участия в сиюминутной политической борьбе еще при Временном правительстве. Другое дело, что до октября 1917 г. Собор неоднократно обращался к противостоящим сторонам с призывом воздержаться от кровопролития, а в ноябре призвал большевиков не осквернять себя пролитием «братской крови»[6]. Позднее, в анафеме от 19 января 1918 г. Патриарх говорит только о гибели безвинных людей с той и с другой стороны и в очередной раз призывает к прекращению «междоусобной брани». В патриаршем послании к пастырям и архипастырям от 8 октября 1919 г. речь снова идет о невмешательстве священнослужителей в политическую борьбу. Даже в первый послереволюционный год Тихон, настроенный по отношению к советской власти резко критически, тем не

[3] Хотя официальное решение Наркомюста о вскрытии мощей было принято только 16 февраля 1919 г., а об их ликвидации – 25 августа. Постановление же о ликвидации мощей во всероссийском масштабе было принято советским правительством вообще 30 июля 1920 г., когда кампания уже близилась к завершению.

менее, не допускал призывов к насильственному сопротивлению. Впоследствии, по мере укрепления советской власти и снижения уровня насилия в стране, Патриарх смягчил свою позицию, заявив о политической и гражданской лояльности[7].

Именно в 1917-1918 гг. начала формироваться последовательная линия отношений Патриарха с новой властью: с одной стороны, невмешательство в политическую борьбу, с другой – защита интересов Церкви. Стремление Церкви к сотрудничеству с государством в послереволюционный период выразилось в готовности диалога с властью. Примером такого (пусть и одностороннего) диалога может служить советское законодательство о воинской обязанности. В декрете ВЦИК «Об обязательном обучении воинскому искусству» (апрель 1918 г.) предусматривалось, что лица, религиозные убеждения которых не допускают применения оружия, могут привлекаться к обучению лишь обязанностям, не связанным с применением оружия. 4 января 1919 г. СНК РСФСР принял декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в соответствии с которым таким верующим военная служба заменялась санитарной или другой общеполезной работой[8]. Хотя этот декрет и был отменен 2 августа 1926 г., Закон о воинской обязанности давал возможность освобождать некоторых граждан от военной службы по религиозным убеждениям до 1939 г. Согласно правительственному декрету от 14 декабря 1920 г., экспертиза по делам об отказе от военной службы по религиозным убеждениям возлагалась, по усмотрению народных судов, на представителей соответствующих вероучений и других лиц, «обладающих соответствующими знаниями и опытом»[9].

Можно предположить, что в условиях Гражданской войны у власти (как в центре, так и на местах) не хватало времени и ресурсов для фронтального наступления на Церковь. Большевики стремились, с одной стороны, натравить на духовенство противников религии, с другой - воспользоваться внутрицерковными конфликтами для создания «послушной»

церкви. Так как на контролируемой белыми территории Церковь поддерживала противников большевиков, новой власти выгоднее было иметь свой «придворный» церковный институт.

С завершением Гражданской войны ситуация в корне изменилась. Поводом для очередного наступления на Церковь стал голод 1921-1922 гг. Призыв Тихона верующих к пожертвованиям и обращение к властям о готовности Церкви добровольно помочь голодающим и организовать сбор средств сопровождались созданием специального Церковного комитета под личным руководством Патриарха и епархиальных комитетов помощи голодающим на местах[10]. Начавшийся с августа 1921 г. во всех храмах России сбор добровольных пожертвований мог стать основанием возможного компромисса во взаимоотношениях Церкви и власти. Тем более что в партийном руководстве сложилась группа сторонников церковной помощи (А.И. Рыков, Л.Б. Каменев, М.И. Калинин). Резкое ухудшение ситуации в стране к концу 1921 г. подвигло ВЦИК на официальное разрешение Церковному комитету на сбор средств для голодающих. На экстренном заседании Президиума ЦК Помгола, во главе которого стоял М.И. Калинин, образование Церковного комитета было признано целесообразным. После долгих бюрократических проволочек 1 февраля 1922 г. было утверждено «Положение о Церковном Комитете», а затем и инструкция, устанавливающая порядок сбора пожертвований и отчетности. Согласно этой инструкции, полученные пожертвования из России или из-за границы направлялись им в ЦК Помгола. Всего к февралю 1922 г. Русская православная церковь собрала почти 9 млн руб., не считая ювелирных изделий, золотых монет и продовольственной помощи голодающим[11].

Но власти в неустойчивой ситуации начального периода нэпа не нужна была церковь-союзник. Поэтому голод и был использован как предлог для разгрома церковной организации. 27 декабря 1921 г. был издан декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях», а 2 января 1922 г. на заседании ВЦИК принят проект постановления «О ликвидации церковного

имущества». Показательно, что этими документами (пусть и в урезанном виде) интересы культа отчасти соблюдались: за Церковью сохранялись предметы обиходного характера. Компромиссным был и пункт о возможности замены в исключительных случаях ценностей на равное по весу количество золота или серебра. В момент подготовки декрета 19 февраля 1922 г. Патриарх обратился с воззванием, в котором призвал сдать часть драгоценностей, не предназначавшихся для богослужения (церковную утварь, украшения и т.п.). Хотя этот вариант уступок со стороны Церкви был одобрен ЦК Помгола, в окончательном варианте постановления, опубликованного 23 февраля, речь уже шла о сдаче всех драгоценных предметов и об исключении духовенства из процесса их изъятия[12]. Позиция Патриарха была использована властью против него. Страницы правительственных газет запестрели обвинениями против руководителей Церкви, якобы не желавших помочь голодающим.

Добровольный характер пожертвования был заменен на принудительную конфискацию. В силу этого постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 20 марта 1922 г. предусматривало создание, наряду с официальными органами, секретных комиссий[13]. Видимо в силу этого, партийное руководство сразу пресекло попытки Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции контролировать кампанию по изъятию церковных ценностей. Впрочем, согласно опубликованной 28 февраля 1922 г. Инструкции о порядке изъятия церковных ценностей верующие имели право вносить в протокол свои возражения по поводу конфискации предметов богослужения и предложения об их замене другими менее ценными изделиями.

Но 7 сентября 1922 г. Церковный Комитет был упразднен решением Политбюро ЦК РКП (б). Диалога власти и Церкви опять не получилось. Впрочем, в этом не было ничего неожиданного. Как уже упоминалось, политика коммунистов в отношении Церкви всегда была двойственной: нейтральной в официальном дискурсе и непримиримой на практике. К

примеру, 125 статья Уголовного Кодекса 1922 г. гласила, что «воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан, карается принудительными работами на срок до шести месяцев»[14]. Но на практике все обстояло иначе.

Ситуацию осложнило послание Патриарха Тихона «Ко всем верным чадам Православной Церкви» от 28 февраля 1922 г. с призывом противодействовать насильственному изъятию церковных ценностей, развязавшее руки политическому руководству страны. В ответ, 19 марта 1922 г. в письме членам Политбюро В.И. Ленин предложил провести «изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией» именно в условиях «отчаянного голода», чтобы получить поддержку (или, по крайне мере, нейтральную позицию) широких крестьянских масс. Считая, что «чем большее число представителей реакционного духовенства ... удастся ... по этому поводу расстрелять, тем лучше», вождь, тем не менее, не считал целесообразным трогать Патриарха. По его мнению, можно было ограничиться секретной директивой ГПУ, «чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы»[15]. В первой половине 1922 г. в Петрограде и Москве прошли судебные процессы по делу об изъятии ценностей Церкви, а в мае после допросов власти подвергли домашнему аресту самого Патриарха.[4]

Из записки И.В. Сталина в Политбюро по поводу приговора ревтрибунала о расстреле двух иваново-вознесенских священников от 2 мая 1922 г. узнаем о позиции М.И. Калинина в пользу отмены приговора. Но за утверждение приговора категорически выступили И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин. Результаты голосования по этому вопросу показали, что в руководстве партии нет монолитного единства в отношении церковной политики. Позицию «всероссийского старосты» поддержали А.И. Рыков,

[4] Еще 21 апреля 1923 г. Ф.Э. Дзержинский в записке в Политбюро выступил за отсрочку процесса над Тихоном, «в связи с разгаром агитации за границей ... и необходимостью более тщательно подготовить процесс». Это предложение было принято большинством членов Политбюро: против проголосовал только А.И. Рыков (Библиотека Якова Кротова …).

М.П. Томский и Л.Б. Каменев, а за утверждение приговора проголосовал, помимо упомянутой тройки, В.М. Молотов[16].

30 марта 1922 г. Л.Д.Троцкий в направленной в Политбюро записке «О политике по отношению к церкви» исходил из возможности опереться на «советское» (обновленческое) течение внутри православной церкви в борьбе против ее «контрреволюционного» крыла, «не ангажируясь политически, а тем более принципиально». Он предлагал во время кампании «по поводу голода» дать возможность «сменовеховским попам ... открыто высказываться в определенном духе»: «Нет более бешеного ругателя как оппозиционный поп». Но к моменту созыва Церковного Собора предполагалось «подготовить теоретическую и пропагандистскую кампанию против обновленной церкви»[17]. В разгар петроградского процесса в печати появился «Меморандум трех»: митрополит Владимирский Сергий, архиепископы Нижегородский Евдоким и Костромской Серафим признали обновленческое Высшее Церковное Управление канонической церковной властью. Покои патриарха заняло самочинное обновленческое Высшее церковное управление, председателем которого стал Антонин.[5]

Тем не менее, применительно к 1917-1922 г. нельзя говорить о церковном подполье. Скорее, имел место всплеск настроений антисоветской эсхатологии – отождествления советской власти с властью антихриста, выразившихся в попытках уйти не от легальной Церкви, а от падшего мира[18]. А на 1923-1925 гг. пришелся пик борьбы Церкви не только за сохранение своей организационной структуры и единства, но и за существование самого церковного института. 8 февраля 1923 г. был издан декрет СНК РСФСР о регистрации религиозных обществ, по сути дела нарушавший закон от 23 января 1918 г., предусматривавший невмешательство государства в церковные дела. Начавшаяся массовая регистрация религиозных общин сопровождалась учетом всего церковного имущества. Однако «Инструкция по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от

[5] Не случайно начало движения обновленчества («Живая церковь») относится к маю 1922 г.

государства» НКЮ и НКВД от 19 июня 1923 г. повысила уровень, на котором принимались решения о судьбе культовых зданий до губернских и областных исполкомов советов. Кроме того, были расширены и конкретизированы права верующих: молитвенные собрания могли проводиться без предварительного разрешения независимо от числа верующих. Руководство хозяйственными делами общины также передавалась о служителей культов в руки самих верующих. Было введено заключение договоров, по которым религиозные общины получали в бесплатное пользование молитвенные здания и культовое имущество. Запрещалось административное вмешательство всех государственных органов в целях поддержки какого-либо культа в ущерб остальным[19].

Но в целом кампания по изъятию ценностей положила начало решающего воздействия партии и ГПУ (ОГПУ) на церковную политику советского государства. Свой вклад в кризис Церкви вносили заявившие о поддержке советской власти обновленцы, которые пользовались поддержкой почти половины православных приходов и 37 из 73 архиереев. В мае 1923 г. Поместный Собор обновленцев узаконил закрытие монастырей, белый епископат, допустимость второбрачия для духовенства и лишил патриарха Тихона сана и монашества. Однако основная часть мирян не пошла за раскольниками.

В этих условиях для спасения Церкви Тихон был вынужден пойти на сотрудничество с коммунистической властью. В июне 1923 г. патриарх был освобожден из-под стражи и вернулся к отправлению своих обязанностей. Он в очередной раз заявил об аполитичности Церкви, а в августе - о признании советской власти, тем самым лишив обновленцев их главного оружия. Тем не менее, обновленцы продолжали пользоваться поддержкой властей, преобразовав в начале августа 1923 г. Высшее церковное управление в Синод. При этом власти отказывались легализировать патриаршую Церковь и продолжали ее преследование. Аресты назначенных патриархом епископов сопровождались запретом служить на местах и т.п. В Конституции СССР

1924 г. правительство гарантировало свободу только антирелигиозной пропаганды, а права верующих были ограничены отправлением культа в специально отведенных для этого местах. В 1925 г. на основе объединения актива газеты «Безбожник» был создан Союз безбожников, в 1929 г. преобразованный в Союз воинствующих безбожников.

После смерти в апреле 1925 г. Патриарха начался период смуты в церковной жизни, сопровождавшийся очередными попытками выстроить взаимоотношения Церкви и власти. Опубликованное в «Известиях» воззвание («Завещание Патриарха») стало началом курса, которого придерживались преемники Тихона – попыток сотрудничества с советской властью. Но обострившаяся внутрипартийная борьба благоприятствовала усилению давления на Церковь. Один за другим были арестованы три патриарших местоблюстителя. В июне 1926 г. заместитель местоблюстителя Петра митрополит Сергий (И.Н. Страгородский) под давлением власти обратился в НКВД с просьбой о легализации Высшего церковного управления, представив проект обращения к пастве. Наряду с подчеркиванием лояльности Церкви к гражданской власти, Сергий озвучил не только принцип невмешательства Церкви в дела государства, но и крамольную мысль о невмешательстве власти во внутрицерковные дела. Сергий полагал, что православный христианин может оставаться достойным гражданином даже без компромисса в делах веры[20]. Неудивительно, что вскоре он был арестован и вернулся к исполнению обязанностей заместителя местоблюстителя только в апреле 1927 г.

Наконец в 1927 г. Синод был официально зарегистрирован и утвержден НКВД, что дало повод признать митрополита Сергия временной главой Патриаршей Русской Церкви. Но Синод был вынужден распорядиться о возобновлении поминовения государственной власти, то есть вознесения молитвы за безбожную власть. В своей декларации в июле 1927 г. находившийся под постоянным прессом ОГПУ митрополит Сергий в очередной раз подчеркнул лояльность и верность верующих Советской

власти[21]. Митрополит Сергий утверждал, что «Советскую власть мы признаем властью нормальной и законной. И мы подчиняемся всем ее постановлениям вполне искренне»[22]. Сергию пришлось дать неправдивое интервью о положении церкви в СССР иностранным журналистам в обмен на обещание, что сельские священники не будут подвергнуты раскулачиванию. Но уже с лета 1928 г. служители культов стали зачисляться в «кулацко-нэпманские агенты». Церковная иерархия реагировала на декларацию неоднозначно: к 1930 г. 37 архиереев отказались от административного подчинения митрополиту Сергию, выступая против компромиссов с безбожной властью[23]. Именно они стали первыми жертвами репрессивного аппарата: в 1929 г. было арестовано большинство непоминающих епископов. Оставшиеся на свободе уходили в катакомбы и начинали совершать богослужения тайно. Но для Сергия задача сохранения духовенства, приходов и храмов стояла на первом месте. Он не хотел ставить священников и паству перед выбором между катакомбами и обновленчеством.

Следует признать, что митрополиту Сергию удалось сохранить ядро высшей церковной администрации, что создало условия для возрождения церковной жизни в годы Великой Отечественной войны. Другое дело, что юридическая легализация[6] и фактическое признание РПЦ советским государством не спасли ее от дальнейших гонений.

Опубликование Декларации пришлось на очередной период борьбы внутри партийно-государственного руководства между сторонниками сохранения «жесткого курса» в отношении церкви (ОГПУ и НКВД) и теми, кто выступал за смягчение церковной политики (ВЦИК и СНК). Но к середине 1927 г. государственная церковная политика фактически сосредотачивается в руках ОГПУ и НКВД. В ноябре 1927 г. по согласованию с ОГПУ НКВД направил на места секретный циркуляр о порядке регистрации епархиальных управлений. Но сам термин «регистрация» не

[6] Но церковь не являлась юридическим лицом, в силу чего договоры найма церковью помещений расценивались как частные коммерческие сделки.

имел юридического значения, так как власть не могла официально признать органы церковного управления наряду с другими общественными организациями. Разъяснения Секретного отдела ОГПУ, легшие в основу Циркуляра НКВД от 17 ноября 1927 г. предписывали отказывать епархиальным управлениям в официальной регистрации, но не препятствовать их функционированию. Поэтому в 1929 г. шаткое «перемирие» между государством и церковью рухнуло.

«Социалистическое наступление» в деревне сопровождалось реанимацией экономических и административных методов борьбы с Русской православной церковью. Приходские священники были обложены денежными и натуральными (даже если не имели земли) налогами, в несколько раз превышающими их доходы. В случае неуплаты священников ожидала высылка вместе с семьей, а приход - закрытие. Массовая конфискация недвижимости у церкви была начата постановлением ВЦИК от 17 сентября 1928 г. о передаче культовых зданий культурно-просветительным учреждениям. В начале 1929 г. специальной партийной директивой, объявившей религиозные организации «легально действующей контрреволюционной силой», фактически была дана команда к широкому применению административных и репрессивных мер[24]. Постановлением ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. запрещались благотворительная деятельность религиозных объединений, частное обучение религии, кооперативы и производственные объединения[25]. Появились циркуляры, запрещавшие верующим создавать детские, женские, хоровые и другие кружки, в которых, кроме получения каких-то практических навыков, изучались и пропагандировались основы вероучения. Церковная жизнь ограничивалась богослужениями в стенах храмов. Дальнейшее наступление властей на Церковь ознаменовалось усилением антирелигиозной кампании Союза воинствующих безбожников. Основным мотивом речи М.И. Калинина на Всесоюзном съезде безбожников в июне

1929 г. стало утверждение, что «борьба с религией расчистит путь к коммунизму»[26].

XIV Всероссийский съезд Советов в мае 1929 г. изменил редакцию 4-й статьи Конституции РСФСР: теперь вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» за всеми гражданами признавалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК полностью запретил колокольный трезвон. Страну захлестнула кампания по снятию колоколов.

Борьба власти и Церкви носила на протяжении 1917-1927 гг. со стороны первой скорее эпизодический (несмотря на наличие определенных планов), нежели целенаправленный характер. Акты надругательства над святынями, расправы над священниками и использование обновленцев оказали противоположный эффект. Большевистский антиклерикализм натолкнулся на прочность религиозных народных представлений и был вынужден на время отступить. Профессор духовной академии И.А. Стратонов в эмиграции писал, что большевистская власть искала случая для того, чтобы доказать, что «она ведет борьбу не с Церковью как таковой, а с лицами, которые хотят использовать эту организацию против гражданской власти»[27]. Для коммунистического режима было важно не просто уничтожить церковь, но и подготовить народ к восприятию новой - веры. Настоящий натиск на церковь последовал только с 1929 г. – года «великого перелома».

Примечания:

1) Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 17. М., 1968. С. 418.
2) Козлов В. Монастыри России в первые годы после революции // Журнал Московской патриархии. 1993. № 4. С. 26.
3) Сборник важнейших действующих декретов и распоряжений Правительства об организации и деятельности разного рода обществ, союзов, артелей, товариществ, религиозных, кооперативных и трудовых сельскохозяйственных объединений. М., 1922. С. 11-12.
4) Крестный путь Церкви в России. 1917-1987. Франкфурт-на-Майне, 1988. С. 1.
5) Известия ВЦИК. 1918. № 186. 30 авг.
6) Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской церкви 1917-1945. М., 1996. С. 217.

7) Лобанов В.В. Патриарх Никон и Советская власть: проблема компромисса (1919-1925 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен.степ. канд. ист. наук. М., 2005. С. 4,16,18.

8) Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 282-283.

9) Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1920. № 99. Ст. 527.

10) Русская Православная церковь в советское время. Ч. 1. М., 1995. С. 146.

11) Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 157.

12) СУ РСФСР. 1922. № 4. С. 48.

13) РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 3. Д. 283. Л. 6-7.

14) Уголовный Кодекс. Текст с постатейно-систематизированным материалом законодательного и ведомственного характера (декреты, инструкции, циркуляры, разъяснения Пленума Верховного суда, кассационная практика и проч.). М., 1924. С. 461.

15) Библиотека Якова Кротова URL: www.krotov.info/acts/20/1922_2.html

16) Там же.

17) Там же.

18) Беглов А.Л. Церковное подполье 1920-1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: Автореф. дис. на соиск. учен.степ. канд. ист. наук. М., 2004. С. 12,23.

19) Известия ВЦИК. 1923. № 145. 1 июля. С. 6.

20) Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 35.

21) См.: Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников / Публ. и вступ. ст. М. Одинцова // Диспут. 1992. № 2. С. 174-203.

22) Известия. 1927. 19 авг.

23) Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 36.

24) Русская Православная церковь в советское время. Ч. 1. М., 1995. С. 306.

25) Игумен Дамаскин (Орловский). История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается. М., 2001. С. 93-95; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 158.

26) Калинин М.И. «Антирелигиозную пропаганду в порядок советского дня» // Известия. 1929. 19 июня. С. 2.

27) Стратонов И.А. Русская церковная смута (1921-1931) // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Сборник / Материалы по истории церкви. Вып. 2. М., 1995. С. 62.